

ДАРЬЯ ВАЛИКОВА

Чего почитать, если нечего почитать — 2

Дарья Валикова

Чего почитать, если нечего почитать – 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44827053
ISBN 9785005043788*

Аннотация

В отличие от первой книги «Чего почитать...», данная посвящена зарубежным авторам: англоязычным, скандинавским, испанским, немецким, турецким, японским и другим; от классиков вроде Бёрнса и Киплинга до современных беллетристов и детективщиков, а также представителей литературы нон-фикшн.

Содержание

НОН-ФИКШН: ПРОЗА	6
УЖЕЛЬ ТА САМАЯ ЛИ ХАРПЕР?	6
Ли Х. Убить пересмешника. – СПб.: Азбука-классика, 2003	6
Ли Х. Пойди поставь сторожа. – М.: АСТ, 1915.	6
ДВА РОМАНА ДЖОНА ИРВИНГА	15
Ирвинг Д. Мир от Гарпа /Пер. с англ. М. Литвиновой. – М.: Новости, 1992	15
Ирвинг Д. Отель «Нью-Гемпшир» /Пер. с англ. С. Буренина. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2004	15
ДЕБЮТНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР	22
ОТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА («ПОЛНАЯ ИЛЛЮМИНАЦИЯ» С. ФОЕРА)	
Фоер С. Полная иллюминация / Пер. с англ. В. Арканова. – М.: Эксмо, 2007	22
ЭТОТ УМОРИТЕЛЬНЫЙ КЛЭНСИ	24
Клэнси Т. Красный кролик / Пер. с англ. С. Саксина. – М.: Эксмо, 2006	24
Клэнси Т. Кремлёвский «Кардинал» /Пер. с англ. И. Почиталина. – М.: Эксмо, 2006	24
ОСТИН, ОНА ЖЕ ОСТЕН: БИОГРАФИЯ	28

И РОМАН О РОМАНАХ

- Уорсли Л. В гостях у Джейн Остин / Пер. с англ. М. Тюнькиной, Ю. Гольдберга, А. Капанадзе. – М.: Синдбад, 2019. – 544 с. 28
- Фаулер К. Д. Книжный клуб Джейн Остен: Роман / Пер. с англ. М. Семенкович. – М.: Эксмо, 2006. – 320 с. 28
- Конец ознакомительного фрагмента. 33

Чего почитать, если ничего почитать – 2

Дарья Валикова

© Дарья Валикова, 2019

ISBN 978-5-0050-4378-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОН-ФИКШН: ПРОЗА

УЖЕЛЬ ТА САМАЯ ЛИ ХАРПЕР?

**Ли Х. Убить пересмешника. –
СПб.: Азбука-классика, 2003**

**Ли Х. Пойди поставь
сторожа. – М.: АСТ, 1915.**

Американская литература славится яркими книгами о детях и подростках; достаточно вспомнить и твеновских Тома Сойера с Гекльберри Финном, и главного героя из «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, и «Воспламеняющую взглядом» Стивена Кинга, и целую школу из «Вверх по лестнице, ведущей вниз» Бел Кауфман... «Убить пересмешника», о которой пойдёт речь, безусловно, одна из самых знаменитых в этом ряду – хотя, на самый первый взгляд, это всего лишь непритязательное повествование о житье-бытье девочки младшего школьного возраста в маленьком захолустном

городке штата Алабама.

На дворе – тридцатые годы прошлого века; в Америке – «великая депрессия», что, впрочем, не отражается на жизни семьи Финчей, ведь отец маленькой героини – вполне состоятельный адвокат. Однако счастливое детство Джин-Луизы Финч, типичной девочки-сорванца (прозвище «Глазастик» – кажется, неудача переводчиц; в оригинале её называют «скаут» – т.е. разведчица, вперёдсмотрящая), наполненное всевозможными проделками и играми со старшим братом Джимом и их общим другом Диллом (кстати, прототипом будущего известного писателя Трумена Капоте, с которым Харпер Ли училась в школе) будет нарушено происшествием, после которого детям придётся резко повзрослеть. Это случится тогда, когда отец возьмётся защищать в суде негра, чем в насквозь расистском городке вызовет всеобщую ненависть к себе и своей семье.

Аттикус Финч – центральная фигура в романе. Оставшись вдовцом с двумя детьми, он осуществляет их воспитание серьёзно и ответственно, то есть главным образом на собственном примере. Сэр Аттикус своей корректностью, принципиальностью, стойкой приверженностью идеалам напоминает английского джентльмена (жители южных штатов вообще больше похожи на европейцев; если вспомнить фолкнеровский роман «Осквернитель праха» со сходной сюжетной коллизией, то, согласно ему, северяне-янки вообще относятся к другому народу). Впрочем, его идеалы – не английская

традиция и не кодекс джентльмена, — он лишь осознанно служит принципам американской демократии.

Эта демократия подразумевает, что все люди созданы свободными и равными, однако равенство отнюдь не означает их одинаковости, а означает лишь равенство перед законом.

«... есть у нас... один институт, перед которым все равны — нищий и Рокфеллер, тупица и Эйнштейн, невежда и ректор университета. Институт этот, джентльмены, не что иное, как суд».

Это — краеугольный камень либеральной демократии. Однако судебная процедура в Америке (и не только) предусматривает и институт присяжных заседателей, коими являются самые обыкновенные обыватели. (В Алабаме 1935 года ими могли быть только белые мужчины). Обыватели же — предвзяты, поскольку заражены господствующими предрассудками, в частности, предрассудками против всех цветных. Это диктует присяжным осуждение негра на смертную казнь, при том, что невиновность его блестяще доказана Аттикусом Финчем, да и вряд ли ставится под сомнение каждым из них.

«... неужели наши просвещённые судьи и адвокаты не могут справиться с дикарями-присяжными?» — воскликнет Джим, брат Луизы. Увы...

Главная проблема в романе всё же не в расизме, но в любых предрассудках вообще, а кроме того — в тех субъектах, что всегда находят в них свою выгоду. Например, Аттикусу Финчу противостоит некто Боб Юэл, ложно обвинив-

ший негра в том, чего тот не совершал (в изнасиловании одной белой девицы сомнительного поведения). Юэл – типичный маргинал, пьяница (такие именуются «белой швалью»), не желающий работать ни при каких обстоятельствах:

«В каждом небольшом городе вроде Мейкомба найдутся свои Юэлы. Никакие экономические приливы и отливы не меняют их положения – такие семьи живут, точно гости, в своём округе, всё равно, процветает он или переживает упадок. Ни один самый строгий школьный инспектор не заставит их многочисленных отпрысков ходить в школу; ни один санитарный инспектор не избавит их от следов вырождения, от всевозможных паразитов и болезней, которые всегда одолевают тех, кто живёт в грязи ...»

Оклеветанный же негр – наоборот, честный трудяга, хороший семьянин, богобоязненный человек. Однако Юэл пользуется тем, что родился с белой кожей, а этим фактом (в Алабаме 1935 года) сказано всё. Вопиющая несправедливость, разумеется, никогда добром не кончается; Аттикус заметит по этому поводу: «Не надо обманывать себя – счёт всё растёт, и рано или поздно расплаты не миновать. Надеюсь, вам не придётся это пережить».

История, увы, показывает, что очень редко возмездие настигает виновных, – зато непременно отыгрывается на следующих поколениях: не на детях, так на внуках обязательно. Так что если не детям тех присяжных, то внукам это пережить-таки придётся, как, впрочем, и будущим внукам и пра-

внукам сэра Аттикуса. Все они, жители сегодняшних США, на своей шкуре знают: ныне расизм уже поменял окраску, и теперь, наоборот, не дай Бог белому человеку судиться с цветным. (Как и мужчине следует хорошо подумать, стоит ли «связываться» с женщиной: это раньше последних, допустим, не принимали в присяжные заседатели и ещё много куда, – теперь же на повестке дня радикальный феминизм.) И никого не волнует, был ли твой дед расистом или, наоборот, Аттикусом Финчем; ни тот факт, что сам-то ты, допустим, отродясь никакими предрассудками не страдаешь...

О, если бы понимали это наши современники: например, политики, затевающие локальные войны, или присяжные, выносящие оправдательные приговоры несомненным убийцам...

О, если бы все думали о собственных потомках, как Аттикус Финч о своих детях, – история не была бы столь неумолимой; именно такие мысли посещают при чтении.

Книга эта, знаменитая далеко не только в Америке, впервые вышла в 1960 году и считалась первым и последним романом Харпер Ли, которая опубликовала потом ещё лишь несколько небольших эссе. Что ж, авторы единственного (зато такого, что «томов премногих тяжелей») произведения в мировой литературе – не такая уж редкость (в США достаточно вспомнить хотя бы Маргарет Митчелл с её «Унесёнными ветром»).

И вдруг, в 2015 году (когда автор этих строк, по прав-

де сказать, была уверена, что писательницы уже давно нет на свете), внезапно было объявлено, что 89-летняя Харпер Ли выпускает в свет продолжение «Пересмешника» под «библейским» названием «Пойди поставь сторожа». И, главное, по просочившимся слухам, — что это продолжение на сей раз уже будет носить чуть ли не расистский характер!.. В нынешней слегка спятившей Америке расистским могут объявить всё, что угодно, от самой невинной шутки до непонравившейся статистики, поэтому всерьёз отнестись к подобной оценке как-то не получалось. Между тем прогрессивная американская общественность заранее громогласно заявляла, что принципиально не станет читать это гадкое произведение, что будет пикетировать книжные магазины, что отныне прокликает некогда многоуважаемую писательницу Харпер Ли навсегда, и проч., и проч....

Но всё-таки книга вышла, небо не упало на землю, и очень быстро подоспел русский перевод. Выяснилось, что сие продолжение, на самом деле, было написано раньше первой книги; в конце 50-х роман печатать отказались, однако посоветовали развить один его эпизод, отсылающий к детству героини. Ли так и сделала — и получилась великая книга под названием «Убить пересмешника». Рукопись же «Сторожа» благополучно пролежала в столе (точнее, в сейфе) более полувека; Ли решил-таки её обнародовать за год до своей смерти (она умрёт, лишь чуть-чуть не дотянув до девяноста).

Итак, действие «Сторожа» происходит где-то лет пятна-

дцать спустя после событий «Пересмешника», в начале 50-х. К этому времени Джим, брат Джин-Луизы, – уже, увы, умрёт молодым; их лучший друг Дилл отсутствует – у него давно своя жизнь. Сама ныне взрослая героиня, обитающая в Нью-Йорке, приезжает в родной городок навестить старого-большого, но всё ещё активно работающего отца. Его ученик и помощник по имени Генри Клинтон, пробившийся из «белой швали», мечтает жениться на дочери своего покровителя, за которой давно ухаживает.

Джин вспоминает про выпускной бал, где они с Генри «отличились». Надетый Джин для солидности накладной бюст во время танца заметно съезжает набок; выйдя с ней из помещения на школьный двор, Генри помогает избавиться от сего предмета и выкинуть его во тьму. Надо же такому случиться, что тот повисает на стенде «Защити отчизну!». Наутро директор школы, сочтя это за политическую диверсию (ведь время серьёзное, идёт война!), начинает расследование, грозящее исключением и потерей аттестата. И что же? Десятки школьников из солидарности пишут заявления с признанием: *«Сэр, это моя вещь!»*...

Но это – кажется, единственное забавное и «греющее» происшествие в довольно серьёзном повествовании, где описывается полностью изменившаяся атмосфера в городе, да и во всём штате в целом. Расовой сегрегации приходит конец, но это приносит в общество не гармонию, а новое напряжение. Избирательные права, которые получили черно-

кожие, покуда в подавляющем большинстве малограмотные, некомпетентные, не готовые к управлению, могут привести к тому, что во многих населённых пунктах они придут к власти, создав полную неразбериху, и это заранее беспокоит людей ответственных – включая Аттикуса. На этом фоне обостряются фобии белых против чёрных, и наоборот.

И тут возникает новое дело: один молодой негр, сев за руль, насмерть сбивает белого старика; как назло, этот парень – родной внук старой домработницы Финчей, которая воспитывала ещё Джин и Джима. Убитый старик был пьяницей, но что с того? Это так же не имеет отношения к сути дела, как и сомнительное поведение девицы, из-за которой был тот суд в «Пересмешнике». Аттикус – законник до мозга костей, и служит он закону не только потому, что это его обязанность, но прежде всего потому, что верит в его справедливость. Он говорит, что согласится защищать молодого человека только в том случае, если тот признает свою вину. К тому же он опасается, что некая Ассоциация, созданная для защиты от расизма, станет давить на суд, требовать, чтобы присяжными стали главным образом чернокожие, а после дело уведут в суд Верховный, который ныне более благосклонен к меньшинствам...

Идеалистически настроенную Джин-Луизу, которая за эти годы совсем превратилась в северянку-янки, бесят (по крайней мере, поначалу) такие настроения отца, дяди и прочих джентльменов, ей они представляются чистым

расизмом... Читатель же волен сам решать, что всё это: расизм? Или просто чрезмерный охранительный консерватизм? Или, может быть, – консерватизм здоровый, вменяемый, подразумевающий, что далеко не все перемены, тем более плохо продуманные, приводят к добру, что необходимо семь (а лучше семижды семь!) отмерить, прежде чем раз отрезать, иначе все лучшие намерения способны привести извештно куда?..

Единственное, что не вызывает сомнений, так это важность извлечения рукописи «Сторожа» из небытия и выхода её в свет. Превосходно, что всё было осуществлено самой Харпер Ли, а не оставлено на милость неизвестно ещё каких душеприказчиков. И совершенно понятно, что теперь необходимо читать обе эти книги – по отдельности никакой полноты картины они нам не дать не смогут.

ДВА РОМАНА ДЖОНА ИРВИНГА

**Ирвинг Д. Мир от Гарпа /
Пер. с англ. М. Литвиновой. –
М.: Новости, 1992**

**Ирвинг Д. Отель «Нью-Гемпшир» /
Пер. с англ. С. Буренина. – М.:
Эксмо; СПб.: Домино, 2004**

Самый, кажется, известный роман знаменитого в США автора Джона Ирвинга «Мир от Гарпа» («Мир по Гарпу», «Мир глазами Гарпа» в других переводах), по которому снят ещё более известный одноимённый фильм, впервые вышел в России тогда, когда особый ореол вокруг профессии писателя ещё не успел раствориться. Писатель – это было важно, престижно, загадочно, а то, что предлагаемая книга повествовала о жизни, становлении и собственно творчестве писателя в Америке (где, по слухам, даже великому таланту отводится скромная роль развлекателя отдыхающей публики), казалось интересным вдвойне. К тому же, трудно было

припомнить американское произведение на эту тему; на ум приходил разве что «Мартин Иден», а более продвинутые могли знать очаровательную повесть Л. Докторроу «Жизнь поэтов», да и там – больше про быт нью-йоркской богемы, нежели про литературу...

Итак, этот роман Ирвинга прослеживает весь путь писателя – от рождения до могилы и даже после: в оставшихся произведениях. Эти самые произведения живут в романе полноценной жизнью наряду с их автором, когда история замысла и создания каждого рассказа, повести, романа, стихотворения органично входит в повествование. «Мир от Гарпа» – это и есть то, что классик назвал *образом мира, в слове явленном*, то есть неповторимый взгляд на всё вокруг, каковой и требуется от подлинного творца. Мир писателя Т. С. Гарпа, как сформулирует для себя его дочь уже после смерти отца, – это мир, где существуют только безнадёжные случаи. Сам он при жизни утверждал, что писатель, по его мнению, и есть врач, который берётся только за эти самые безнадёжные случаи, чтобы *«подарить людям бессмертие. Даже тем, кто в конце книги умрёт. Для них это важнее всего»*.

Гарп подразумевал, что этот дар – бессмертие – единственное, что вообще может дать людям искусство; никакой социальной значимости за художественным творчеством им не признавалось. Хотя, как и многие творцы, часто *«сам же пытался безуспешно связать их (искусство и прямое служение людям – Д.В.). В конце концов, он сын своей матери»*.

Его мать — Дженни Филдз, медсестра по профессии и знаменитая феминистка по «общественной жизни», — наоборот, свято верит в необходимость социальной пользы искусства и литературы. Как бы то ни было, единственная написанная ею книга под названием «Одержимая сексом» имеет оглушительный успех, чуть ли не превосходящий книги сына, чем вносит весомый вклад в, что называется, «тенденции общественного развития» — женское движение, в частности («Мир по Гарпу» вышел в конце 70-х, когда феминизм в Америке ещё только набирал обороты — Д.В.). Это при том, что книга Дженни является простым безыскусным повествованием о собственной жизни вкупе с посильными соображениями об окружающем её мире, вовсе не претендующем ни на что другое. Название её — лукаво: на самом-то деле, опыт Дженни Филдз в объявленной сфере ограничился одним-единственным и несколько нетрадиционным контактом с целью обзаведения ребёнком. В этом, собственно, и состоял её личный осознанный выбор. Что ж, всякое в жизни бывает: вон, заявляла же, например, у нас Валерия Ильинична Новодворская, что всё, что ей известно о сексе, вычитано в произведениях В. Аксёнова, и хоть по ней — дело это никчёмное, будучи плюралисткой, она не осуждает человечество за его слабости. Вот и Дженни, отличаясь подобной же широтой, никому на свете своих убеждений не навязывает. Кроме шуток: она лишь *«хотела доказать одно — женщинам, как и мужчинам, пора наконец научиться стро-*

ить свою судьбу по собственному разумению, не оглядываясь на общепринятые каноны. И если это убеждение делает её феминисткой, значит, она и есть феминистка».

Итак, Дженни отказывается как от замужества, так и от любого секса вообще; Гарп же, как и всё его окружение, не говоря уже о героях его книг, на сексе просто-таки помешаны. Однако никто не намеревается утверждать, что его образ жизни – самый правильный, и это касается вообще всего, чего бы то ни было. К примеру, в семействе Гарпов жена предпочитает зарабатывать деньги преподаванием в университете, тогда как муж занимается домом, воспитывает детей, а прозу пишет лишь в перерывах между этими занятиями. На презрительное обвинение журналистки в том, что он является просто домохозяйкой, Гарп отвечает: *«Я всего-навсего делаю то, что хочу. И именно это всегда делала моя матушка – только то, что она хочет».*

Всю его жизнь Гарпом движет возмущение чёрно-белым делением мира, презрение к психиатрам, *«которые обкрадывают личность, всё упрощая и сводя её к примитивной манере»*, негодование по поводу той критики, что ведёт к *«разрушению искусства социологией и психоанализом»*, – как автор заметных романов, он в полной мере испытывает это на себе. Нет у Гарпа и *«терпимости к тем, кто сам во всём проявляет нетерпимость»*. Так, совсем не будучи противником феминистского движения, он, однако, резко высмеивает его крайности. Например, (пародийно выдуман-

ное в романе) движение «джеймсианок» – женщин, что после трагической истории с одной маленькой девочкой, которой надругавшиеся над ней преступники отрезали язык, дабы она не смогла никому ничего рассказать, – сами вырезают себе свои собственные языки в знак протеста против такой гнусной действительности. (Абсурд? Да, но, как справедливо пишет в послесловии переводчица М. Литвинова, «степень абсурдности относительна и зависит от того, в какой мере читатель сам находится в плену условностей».)

Правда, однажды Гарп сталкивается с насильником, которого незадолго до того сам же помог изловить. Тот бахвалится, что сумел-таки избежать тюрьмы; Гарпу на миг кажется, что вся мировая злоба, торжествующая в своей безнаказанности, взирает на него в это миг, и он *«как же полно ощутил то отчаянье, которое заставляет несчастную женщину вырезать собственный язык, чтобы хоть как-то заявить свой протест!»* Но – не больше, чем на миг; Гарп продолжает устно и письменно критиковать джеймсианок. Это его и губит: те решают, что перед ними – конченный женоненавистник. Не помогает даже то, что на его сторону встанет сама Эллен Джеймс – та самая маленькая девочка без языка, успевшая вырасти и ставшая приёмной дочерью Гарпов. И, после одного неудачного покушения, пуля фанатички настигнет-таки Гарпа – ещё совсем молодого, оригинального автора в расцвете таланта. Подобную же смерть доведётся принять его матери – Дженни Филдз убьёт фанатик-ан-

тифеминист.

Оба они, и мать, и сын, погибают прежде всего от непонимания и, как следствие, – нетерпимости. Но, к счастью, остаются их дети, внуки, друзья, ученики, читатели – они-то существуют и будут существовать, исповедуя такую простую на словах и труднейшую на деле доктрину: каждый живи так, как позволяет твоя совесть, да не мешай другому «каждому» поступать аналогично. Только это, по-видимому, и может спасти мир. Тем самым «Мир от Гарпа», в сущности, не открывает никаких америк. Он лишь демонстрирует, что терпимость ко всему иному и впрямь может существовать на этом свете, и быть при этом не просто вынужденной терпимостью пополам с еле скрываемым негодованием, а – подлинной, лёгкой и естественной, как дыхание.

Другую книгу Ирвинга, «Отель „Нью-Гемпшир“», с одинаковым успехом можно было бы назвать и бурлеском, и гротеском, и сатирой, и трагикомедией, и романом воспитания... А можно – фантазмагорической семейной сагой.

«Любимой историей в нашей семье была история о романе между отцом и матерью, о том, как папа купил медведя, как они с мамой полюбили друг друга и быстренько, одного за другим, заделали Фрэнка, Фрэнни и меня („Бац, бац, бац“, – как сказала бы Фрэнни); а после небольшой передышки – Лилли и Эгга („Пиф-паф – мимо“, – скажет Фрэнни)».

Чего и кого только нет в этой семейке, состоящей из сплошных чудаков, а также невозможных собак и даже,

как было сказано выше, дрессированных медведей. В довершение всего, живут они в собственном частном отеле, бок о бок с колоритными служащими и разнообразными постояльцами.

Джон Ирвинг изменил бы себе, если б не поместил сей отель в маленький «академический» американский городок (он вообще мастер изображать специфическую атмосферу таких городков, сконцентрированных вокруг частных школ либо университетов, – ибо сам профессор), и если бы часть повествования не происходила в Вене (он, похоже, обожает Австрию, в которой некоторое время жил и работал, больше прочих стран Европы, что находит отражение едва ли не во всех его романах). Ну, и ещё он не был бы самим собой, если бы не включил в свой текст изрядную долю натурализма, доходящего до стадии, которую принято называть «порнухой и чернухой»...

Но, несмотря на это и на множество по-настоящему грустных (а отнюдь не только весёлых и прикольных!) вещей, происходящих с персонажами, книга у Ирвинга, как обычно, получилась светлой, позитивной и гуманистичной. Ведь *«руководящий принцип нашей семьи сводился к тому, что осознание неизбежности печального конца не должно мешать жить полноценной жизнью»*. Ирвинг уверен, что жить и любить людей стоит, несмотря ни на что, и умеет заставить читателя проникнуться этой верой.

ДЕБЮТНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ОТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА («ПОЛНАЯ ИЛЛЮМИНАЦИЯ» С. ФОЕРА)

**Фоер С. Полная иллюминация / Пер.
с англ. В. Арканова. – М.: Эксмо, 2007**

Совсем молодой (25 лет) американский писатель выпустил свой дебютный роман, ставший настоящим бестселлером, по которому уже снят фильм («И всё осветилось» в российском прокате). Василий Арканов, известный как корреспондент компании НТВ в США (и по совместительству сын знаменитого Аркадия Арканова) сделал перевод. Казалось бы, чего особенного в последнем факте? Но особенное тут то, что половина романа написана не обычным английским языком. Она написана специфическим языком русского парня, который воображает, что изъясняется на английском, а посему целиком состоит из выражений вроде *«люди бедные и сельскохозяйствующие»*, *«для интимизации вдвоём я человек высшей пробы»*, *«ночью будет ёмкотрудно»*, *«я остаюсь с отсутствием что-либо о ней изречь»* и т. д.

и т. п. Так что переводчик – своего рода герой, который (по его уже собственным словам) *«старался наилучшайче и сделал лучшее из того, что мог, что было лучшим из того, что я мог бы сделать»*.

Этот парень, главный герой, якобы русский из Одессы со странной (такова обычно судьба всех иностранных авторов, придумывающих стилизованные российские фамилии) фамилией Перчов, приставлен в качестве переводчика к американскому еврею, начинающему писателю, который в романе так и именуется: Джонатан Сафран Фоер. Что приехал искать свои семейные корни в украинской глубинке. Другая половина текста, написанная «нормальным» языком, повествует о колоритных предках Фоера, жителях местечка, ныне исчезнувшего с лица земли. Оба этих языковых пласта в романе чередуются, сюжетное напряжение не отпускает, и финал оказывается достаточно неожиданным...

ЭТОТ УМОРИТЕЛЬНЫЙ КЛЭНСИ

**Клэнси Т. Красный кролик / Пер.
с англ. С. Саксина. – М.: Эксмо, 2006**

**Клэнси Т. Кремлёвский
«Кардинал» /Пер.
с англ. И. Почиталина. – М.: Эксмо, 2006**

Оба политических романа Тома Клэнси – о советско-американском противостоянии самого начала 80-х. Если в «Кремлёвском «Кардинале»» сверхдержавы борются за обладание лазерным оружием, то в «Красном кролике» доблестные цээрушники спасают Папу римского от рук болгарского гэбэшника, за которым, как стопроцентно убеждён автор, маячит зловеще-таинственный лик товарища Андропова. Андропов, Брежнев, Язов, Тэтчер и другие реальные личности фигурируют в этих книгах наряду с вымышленными героями – рядовыми шпионами (или, если угодно, разведчиками) с обеих сторон. Шпионы – тоже люди, у всех есть семьи, дети, маленькие слабости... Правда, у шпионов амери-

канских нет одного: сомнений в своей правоте как по поводу этих медведей вообще («*Русские дьяволы, чёрт побери, умеют гонять шайбу по льду. Жаль, что в России не понимают бейсбол. Вероятно, для «мужиков» эта игра чересчур заумна. Питчеры, бэттеры, страйки – им это не осилить...*»), так и по поводу необходимости поскорей надрать их коммунистические задницы. А вот наш шпион (точнее, аналитик из КГБ) по фамилии Зайцев засомневался: стоит ли убивать Папу римского или всё-таки пусть себе живёт? И, решив, что лучше последнее, пошёл на контакт с идеологическим врагом. (Для нашего читателя всё это может показаться едва ли не пародией на солженицынского Володина из «Круга первого», дипломата, выдавшего американцам ядерный секрет, – однако Том Клэнси серьёзен и вряд ли шёл на переключку с произведением, которое, вдобавок, скорей всего и не читал.) После чего ЦРУ Папу спасает, а Зайцева с семейством хитроумно переправляет на Запад.

Из этих книг можно почерпнуть не только и не столько про методы специфической борьбы двух разведок, но и, например, то, какими они, американцы, видят нас и нашу жизнь. Допустим, «*московское метро странным образом напоминало царские дворцы, интерпретированные законченным алкоголиком*». А вот про зрелища: «*По советскому телевидению показывают собственный вариант похождения Койота-бродяги... Называется „Ну, погоди!“*. Конечно, до продукции „Уорнер бразерс“ русским далеко, но всё же

это лучше, чем треклятая производственная гимнастика, которую тут крутят каждое утро. Девушка-ведущая без труда могла бы муштровать новобранцев в учебном центре». Но при этом, справедливости ради, – «В этой стране, нередко грубой и безжалостной, забота о детях трогательно искренняя». И ещё: «... они... в некоторых отношениях поразительно культурные. Наверное, Россия – это единственное место в мире, где поэт может прилично зарабатывать на жизнь...»

Нравится – не нравится такой взгляд извне, но он, несомненно, имеет полное право на существование. Что же касается более тонких деталей, касающихся повседневной жизни советских людей, тот вот тут много всякого уморительного. Автору, к примеру, хорошо известно из разных источников, что русские любят водку, особенно «Старку», а также испытывают дефицит товаров повседневного спроса. В результате Зайцев с женой (вовсе никакие не алкоголики!) у него пьют в приличных количествах водку – не во время ужина, а после него, причём маленькими глоточками... Вторую же отличительную особенность советского быта Клэнси изображает таким образом:

*«– Да, кстати, а вам из Будапешта ничего не привезти?
– Товарищ майор, вы читаете мои мысли! – Голос начальника*

...потеплел. – Если вас это не затруднит, трусики для моей жены...

– Какой размер?

– *Моя жена – обычная русская баба, – ответил начальник... вероятно, имея этим в виду, что его жена не страдает отсутствием аппетита...»*

Ну и так дальше. Что ж, одна из книг открывается примечанием переводчика, где прямо говорится: *«Читателю следует иметь в виду, что автор весьма смутно знаком с реалиями Советского Союза... и Европы в целом»*, хотя *«подобные мелочи никак не сказываются на захватывающем сюжете книги»*. В общем, так оно и есть, тем более что среди густых зарослей высоченной клюквы и, скажем так, предвзятостей, можно встретить и вполне трезвые, объективные наблюдения и умозаключения. Например:

«... в Польше свирепствует зараза, которую может подхватить их собственный народ. Эта зараза именуется „растущие требования“. А растущие требования – это как раз то, чего не может удовлетворить советское руководство. Экономика Советского Союза в застое, она напоминает воду в омуте...»

Не кажется ли вам, что в конечном итоге именно это главным образом и погубило СССР, а вовсе не «предательство советской элиты» и не слаженная работа американской разведки, воспетая Томом Клэнси?

ОСТИН, ОНА ЖЕ ОСТЕН: БИОГРАФИЯ И РОМАН О РОМАНАХ

**Уорсли Л. В гостях у Джейн Остин / Пер.
с англ. М. Тюнькиной, Ю. Гольдберга, А.
Капанадзе. – М.: Синдбад, 2019. – 544 с.**

**Фаулер К. Д. Книжный клуб
Джейн Остен: Роман / Пер.
с англ. М. Семенович. –
М.: Эксмо, 2006. – 320 с.**

Джейн Остин (1775—1817; у нас сложилось двойное написание фамилии, и поэтому в одной из рассматриваемых книг она пишется через «и», в другой – через «е») – одна из самых ярких представительниц славной плеяды писательниц XVIII—XIX вв., вошедших в классику английской литературы. Почитание её, на родине и не только, велико и поныне, двести лет спустя. Все шесть романов, а также вещи

малые или оставшиеся незаконченными, продолжают изучать, переводить, экранизировать (достаточно вспомнить хотя бы знаменитый сериал по «Гордости и предубеждению»). Интерес к её пути земному огромен и доходит, к примеру, до организаций раскопок на местах утерянных жилищ, в которых она когда-то коротала дни, когда при нахождении какого-нибудь фарфорового черепка с благоговением объявляется, что он может быть осколком чашки для чая, вкушаемого самой (!) Джейн... А уж что касается её биографий, то та, что сейчас перед нами – далеко не первая из написанных.

Люси Уорсли – историк, этнограф, автор прославившей её книги «Английский дом: интимная история». «В гостях у Джейн Остин» также во многом обращена на бытовую, повседневную сторону жизни героини и её окружения – чем, пожалуй, и интересна (литературоведения и без неё предостаточно).

Джейн родилась в семье так называемых джентри – мелкопоместных, нетитулованных английских дворян; Уорсли и вовсе считает, что – «псевдоджентри», которые *«стремились к изысканному существованию, не имея для этого достаточных средств..., из всех сил старались, чтобы в них видели джентри»*. Её матушка, впрочем, происходила из семьи довольно богатой – но наследством, что тогда было делом обычным, оказалась в пользу брата обделённой и, выйдя замуж за простого священнослужителя (распространённая профессия у джентри, что будет видно и из романов их буду-

щей дочери), была вынуждена искать для своего многочисленного семейства дополнительные источники дохода. В результате чего ею при пасторате была организована небольшая, но довольно прибыльная ферма, а ещё в доме в качестве пансионеров держали учеников, присланных из окружающих поместий... Так что сей леди, неплохо образованной и имевшей в юности несомненные литературные задатки, пришлось с концами погрузиться в проблемы коровника и птичника, маслобойни и сыроварни, не говоря уже про хозяйство чисто домашнее. Разумеется, у Остинов, как и у всех подобных семейств, всегда имелись слуги – однако хозяйкам обычно приходилось не только руководить, давать задания и проверять их выполнение (являясь своего рода менеджером), но частенько и самим закатывать рукава – по крайней мере, на кухне... А кроме того, на женщинах висела повинность бесконечной работы иглой – главным образом по шитью новой одежды и починке неновой (это только у очень богатых была возможность забавлять себя лишь вышивкой и прочими необязательными рукоделиями). Хотя, как замечает автор, в таком времяпрепровождении *«присутствовала и доля эгоизма, ведь при прокладывании стежков „мысли женщин могли идти своими путями“, а не следовать чужим предписаниям»*. Этим в дальнейшем вовсе будет пользоваться Джейн, сочинявшая за шитьём свои тексты, чтобы время от времени отложить работу и записать¹ что-нибудь

¹ Невозможно не отметить тут деталь: писались эти тексты чернильной ручкой!

тут же, не выходя из шумной гостиной (своего кабинета у неё никогда не было).

Детей тогда рождалось столько, сколько Бог даст. Семье Остинов Он, например, дал восьмерых, так что у Джейн, седьмой по счёту, была единственная сестра по имени Кассандра и куча братьев. Это, конечно, ещё что – автор приводит пример из газет 1789 года про некую миссис Бантинг из Глостера, которая *«благополучно разрешилась от бремени дочерью, ставшей её тридцать вторым ребёнком от того же супруга»* (впрочем, заметим мы, куда той до нашей шуйской крестьянки Васильевой, что в том же XVIII веке установила непревзойдённый доселе рекорд в 69 «голов»!). Пусть вышеназванные случаи всё-таки, разумеется, уникальны – но с десятков или дюжину детей на семью было делом вполне заурядным. Обычной была и высокая смертность – младенческая и материнская; среди родни и знакомых Остинов, например, произойдёт несколько таких случаев. (В связи с чем Джейн, когда будет поздравлять свою помолвленную сестру с двадцатитрёхлетием, пожелает ей прожить ещё двадцать три года. *«Странное пожелание, не так ли? Нет, не странное, если учесть, что обе сестры понимали: как только Кассандра выйдет замуж, над ней нависнет опасность умереть в родах»*.)

С потомством ввиду такой его многочисленности осо-

Пушкин-то – восемнадцатилетний в год смерти Д. Остин – использовал, поди, перья гусиные...

бо не церемонились: младенцев сразу отдавали кормилицам и нянькам прямо в деревню, пока те там не научиться хотя бы ходить; затем, в достаточно раннем возрасте мальчиков частенько отправляли в школы-интернаты, девочек – в пансионы. Так было и с детьми Остинов; правда, Джейн с сестрой из пансиона забрали довольно быстро, решив, что – дороговато, для девочек сойдёт и домашнее обучение... Но и это не всё. Когда один из сыновей Остинов уродился глухонемым и подверженным эпилептическим припадкам, его навсегда определили – нет, не в спецзаведение, которые существуют в наше время, но в определённую семью – из тех, что зарабатывали тогда пожизненным уходом за подобными больными. Другого своего мальчика – напротив, умного-красивого, – Остины позволили усыновить родственникам, что были бездетны, родовиты и чрезвычайно богаты. Такое вполне практиковалось, считаясь допустимым и оправданным, – главное, «в хорошие же руки»!.. (В «Менсфилд-парке», как мы помним, похожая участь ждёт главную героиню.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.